

ШАРИК

А мама не ехала и не ехала. Она снилась Катюше каждую ночь, и Катюша просыпалась от радости. Но мамы не было рядом. Была только бабушка, и тогда Катюша начинала плакать. Бабушка гладила Катюшу по вздрагивающим плечам и по головке, уговаривала и напевала:

Ой лю-лю, ой лю-лю,
Спи, Катюша, на краю.
Баю-бай, баю-бай,
Приди кот-котонай.
Приди кот-котонай,
Нашу Катю покачай.
А дорогой на кота
Накатилась воркота.
Все касатушки спят,
И лисички спят,
По норушкам спят
Да по гнёздышкам.
Только серые волчки.
Где вздумалось.
Как у нашей у Катюши
Кроватка тепла.
Ой лю-лю, ой лю-лю,
Катю милую люблю.

Катюша переставала плакать и засыпала. Бабушка вытирала ей слезы.

Однажды утром Катюша опять вспомнила маму и задумалась.

— А вот что я вам сегодня принесу, — сказал дедушка. — Угадайте.

Катюша молчала.

— Пряников? — спросил Антон.

— Нет, пряники уже есть.

— Хлеба, — догадался Антон.

— Не угадал, — засмеялся дедушка, надел шапку и ушел.

Антон и Катюша ждали дедушку долго. Они часто смотрели в окно и все-таки проглядели его. Вдруг хлопнули ворота и вошел дедушка. Он осторожно держал в руке свою шапку.

— Там птичка? — спросила Катюша.

Дедушка открыл шапку, а оттуда выскочил маленький щенок. Антон и Катюша закричали, запрыгали.

— Шарик, Шарик! — смеялась Катюша. Она вместе с Антоном видела Шарика в книжке. Книжку эту еще зимой прислала в посылке мама. Только тут Шарик был настоящий. Он вертел коротким хвостиком, переворачивался на спину и тыкался в Катюшу своим холодным носом. Дедушка сказал:

— Этот не убежит. Заяц убежал, тот бессовестный был. А этот не убежит, если вы его обижать не будете.

Антон и Катюша сказали, что никогда не будут обижать Шарика. Шарик был весь черный, только брови у него получились круглые и рыжие. Шарик совсем не кусался. Даже ни разу не укусил, а только так, нарочно открывал рот.

— Дедушка, где он раньше жил? – спросила Катюша.

— Да он еще нигде не жил, он недавно родился.

— Недавно?

— Ага. Родился он за печкой. Вон в том доме. – Дедушка показал в окошко дом. — Теперь у нас будет жить.

— Совсем-совсем? – спросила Катюша.

— Совсем.

Бабушка налила в блюдечко молока. Шарик опустил в молоко язычок и убрал, опустил и убрал. Так он учился есть молоко.

Когда стали пить чай, Антон попробовал так же. Опустил язык в блюдце с чаем и убрал, опустил и убрал. Ничего у Антона не получилось, только нос намочил.

После чая дедушка взял старую фуфайку и постелил ее у печки в уголке. Туда же поставили и блюдечко с молоком. Антон и Катюша долго играли с Шариком. Примеряли ему башмаки от куклы, вытирали нос тоже куклиным фартуком. Башмаки оказались малы, а нос у Шарика, сколько ни вытирали, все равно остался мокрым. Катюша даже подумала, что Шарик простудился.

— Ничего не простудился, – сказал дедушка. – Это у него насовсем.

Потом Шарика уложили на фуфайку. И Катюша пела ему бабушкину песенку:

Баю-бай, баю-бай,
Шарик милый, засыпай.

Шарик заснул. А Катюша думала о том, как хорошо, что Шарик родился и будет жить вместе с ними.